

Barbara Morgan

Отверженная из Розенкрафта

Оглавление

ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
Глава 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 12
КНИГА ВТОРАЯ
ГЛАВА 0
ГЛАВА 1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
КНИГА ТРЕТЬЯ
ГЛАВА 0
ГЛАВА1
ГЛАВА 2
ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6

ГЛАВА 7

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

ГЛАВА 0

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3

ГЛАВА 5

ГЛАВА 6

ГЛАВА 8

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10

ГЛАВА 11

ГЛАВА 12

КНИГА ПЯТАЯ

ЭПИЛОГ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Если хотите узнать больше о моем творчестве:

«Добро пожаловать в Розенкрафт»

ГЛАВА 0

Этот фрагмент — все, что осталось (и что еще можно разобрать) от письма, написанного рукой Кэтрин Кингстон Редвуд и отправленного перед её исчезновением тому, кого она именовала «человек в шляпе». Заключительные строки найденного документа, которые хранились в архиве библиотеки Розенкрафта, буквально пропитаны отчаянной яростью. Остальная часть написанного превратилась в клочья или совсем неразборчива из-за темных пятен и разрывов.

...

«Я не сдамся и не намерена убеждать себя сдаться. Я знаю, что это место — болезненное, нездоровое, сумасшедшее. На него не действует время, оно — вне цивилизованной жизни. Оно — вне самого человеческого. Ты тоже это знаешь, я уверена. Эти существа выдают себя за людей, но это не так. У них нет души. У них только камни в сердце. Камни в костях. Камни во внутренностях. Камни повсюду. Камни, которые не поддаются огранке, их море не точит. Я прибыла сюда не по своей воле, но у меня не было выбора.

Я не буду писать твое имя. Мы изменились, оба были вынуждены приспособливаться к Розенкрафту. Для меня ты останешься просто человеком в шляпе. Возможно, ты находишься здесь по причине, связанной с земным возмездием, поскольку сомневаешься в справедливости Божьей. Я понимаю тебя.

Я все-таки выужу лимфу, которая питает это место смуты и боли. Я призову небо и всех духов, будь они добрые или злые. Теперь меня больше не волнуют последствия. Ей больше не придется терпеть то, что скоро должна буду вынести я. Ее не раздавят и не сокрушат. Если ты поможешь мне, человек в шляпе, мы станем сильнее. Если ты мне поможешь, мы сровняем с землей Розенкрафт и все то зло, которое долго таилось глубоко в его недрах. Всю его

ложную мораль и снисходительность, которая уродует и отравляет бесхитростные чистые души.

В Розенкрафт все всегда возвращается. Я не забываю об этом. И ты тоже не забывай».

ККР-ЕдР

ГЛАВА 1

Ее видели в других местах. Блуждающей без цели. Именно так проходила её жизнь, еще до того, как она попала в Розенкрафт. Да, именно так она и жила. Она и другие. Проходила сквозь жизнь, оставляя свой след. Бесцельно скитаясь. Неподкупная, не вписывающаяся ни в какие рамки душа её обманывалась в надеждах на то, что ей уготованы великие испытания, что она станет частью великих изменений и перемен. Открывая разум и сердце. С тем изяществом и обаянием в манерах и жестах, которые не оставляли равнодушным никого на её пути. Несколько диковатая красота и поразительные глаза привлекали многих, не стал исключением и сам Адам Редвуд, потомок одной из семей-основателей Розенкрафта. Он был очарован ею, словно сиянием, пленен на грани восторга, переходящего в экстаз.

Она и сейчас привлекает так ласково. Даже будучи скрытой, находясь далеко, возможно, уже мертвой.

«Роковое исчезновение». Так в определенный момент начали говорить о ней жители Розенкрафта. «Роковое исчезновение».

Так, словно это злой рок заставил её исчезнуть.

Рок то был или нет, но её мнение о Розенкрафте не оставляло никаких сомнений или двусмысленности. Она описала его по-своему: бестактно, но честно до безжалостности, сродни своему характеру и чувствам.

«Камни в сердце. Камни в костях. Камни во внутренностях. Камни повсюду. Камни, которые не поддаются огранке, их море не точит».

Камни, брошенные в тех, кого считали чужаками, такими, как она — Кэтрин Кингстон Редвуд, отверженная из Розенкрафта.

«В Розенкрафт всё возвращается»: она начала повторять это непрестанно.

Даже они, чужачки, «не наши», как их называли. Она была не одна такая. Их было несколько, и конец их был неизбежно одним и тем же. Одиночество и нерадивость. И в конце боль. Даже те, кто любил их и

убедил остаться в Розенкрафте, и те оставляли их на волю судьбы, угасать день за днем. Даже не осознавая этого, не пытаюсь помешать, не пытаюсь спасти.

Но Кэтрин стала своего рода драматическим исключением. Она так и не смогла убедить себя в том, что ее участь — оказаться здесь. Она отказывалась смириться с этим. Она не поддавалась. Не хотела позволить раздавить себя. Несмотря на многочисленные вынуждавшие сдать жизнь обстоятельства, она упорно отказывалась умирать. По крайней мере, без борьбы. И уж точно, не без созревшего плана мести. Не без расплаты, которая потащит на дно весь Розенкрафт. Когда придет время.

Покинутая без помощи, она начала наблюдать за работой пауков. Увлечшись, она научилась уважать их труд, затем стала оценивать его достоинства, пока не перешла к любованию и попыткам подражать. Невероятное терпение. Неустанная работа маленьких лап. Настоящее произведение искусства. Они ткали свое полотно все плотнее и плотнее, как невероятно опытные и ловкие манипуляторы плетут свои интриги, засасывая своих жертв и самих себя внутрь паутины. Она наблюдала за столь искусной работой с бесконечным восхищением, задаваясь вопросом, как Всевышний, вселенная или кто бы ни управлял миром, мог создать нечто столь завораживающее и чудесное. Создатель, стало быть — действительно великий чудесник.

Она пришла к заключению, что мир — это ничто иное, как отражение сотканного пауком полотна. Огромная паутина, которая соединяет всех и всё. Её забавляло то, что в Розенкрафте пауков считали самыми мерзкими и коварными существами, их боялись и ненавидели. Кэтрин же, наоборот, находила этих существ очаровательными и трудолюбивыми. Она ненавидела лень и бездеятельность, чрезмерное попустительство тех, кто считал себя истинными жителями Розенкрафта.

Кэтрин уважала пауков, а еще она любила пить чай, в Розенкрафте. Только с тем, чтобы все еще чувствовать себя частью мира, а в глубине души — частью Англии, в которой она выросла, но которая очень скоро увела её в другие места. В другие страны, в другие города, которые пропитали её, частично изменяя привычки. Раньше её совершенно не заботил обряд чаепития. Когда она так приглянулась

Адаму Редвуду, когда вышла за него замуж, и они счастливо жили за пределами всего этого. До всего этого. До того, как он убедил её последовать за ним в Розенкрафт, который, безусловно, должен был находиться в определенной точке на географической карте, но на самом деле не принадлежал ни к одному месту. Там действовали свои правила. Это было подобие микрокосма, неприкасаемого царства, не интегрированного в совершенно ни одно государство мира.

Спустя годы в такую же зловещую ситуацию попадет и Эмили Редвуд. Пауки, и всякая малая трудолюбивая, дикая и свободная тварь, тоже привлекали её и вселяли надежду. Потому что она, как и ее мать Кэтрин, была пленницей. С той разницей, что Эмили никогда не знала другого мира. Она никогда не имела возможности полюбить свободу, поскольку не ведала о ней. Она оказалась в Розенкрафте, когда ей было несколько лет отроду. Свобода для неё была всего лишь легендой, идеалом. Всё, что она получала всегда и непрестанно, — это камни: камни в сердце, камни в костях, камни во внутренностях, камни повсюду. Определение, данное Кэтрин, для неё было повседневной разрушительной реальностью.

«Дочь чужачки, собачье отродье!»

Будучи ребенком, Эмили не понимала значения этих слов. Она даже не понимала, что это были оскорбления, что они были намеренными. Это были просто слова, как любые другие, которые произносились в течение дня. Точно как «пойдем гулять» или «сегодня, с счастьем, нет дождя».

Поэтому добрую часть своих детских лет она повторяла как ежедневное приветствие:

«Дочь чужачки, собачье отродье!»

Нежным и мелодичным голосом. С прелестными большими темными глазами, открытыми миру, с черными, гладкими и шелковистыми волосами, свежим личиком с тонкими чертами.

Потому что Эмили, как и Кэтрин было суждено привлекать. Хотела она этого или нет, спонтанно или намеренно. А еще она была как некоторые другие — чужачкой. Ей суждено было любить. Ей суждено было ждать.

Но она также была самой собой. Ей суждено было убивать.

ГЛАВА 2

Для Кэтрин Редвуд Одиночество было присутствием. Подавляющим присутствием. Таким стало для нее Одиночество. У него было имя, оно имело душу, испорченную и гнилую. Присутствие, которое игнорирует тебя до такой степени, что готово раздавить, убить. Этот состояние было постоянным.

Одиночество встречается повсюду в этом мире, но в этом городке Одиночество распространялось как нефтяное пятно. Оно ширилось, как и сам Розенкрафт. Начиналось в одной точке и поражало всё, что его окружало, в бесконечном, концентрическом движении.

У Одиночества были Жертвы. Жертвы всегда были и будут, везде. Жертвы существовали с тех пор, как существует мир. Он так устроен, ничто не в силах изменить мир. Но в Розенкрафте, казалось, у Жертв вообще нет выхода, именно из-за одиночества. Это были Жертвы, которых можно топтать, оскорблять, давить много раз. Срывать на них всю злость.

Даже не подозревая об этом, Эмили Редвуд стала идеальной Жертвой. Она вела дневник, ставший её единственным утешением. Обрывки существования в Розенкрафте. И услышанная в детстве фраза «в Розенкрафт все возвращается», повторяемая Кэтрин словно канитель, стала её частью.

«В Розенкрафт все возвращается. Я не вернусь. Я остаюсь. Я должна остаться. Они держат меня невидимыми цепями гнева и одержимости».

ЭР

Эмили Редвуд, отверженная из Розенкрафта. Единое целое, заключенное в двух буквах. Слово злая шутка судьбы. Жизнь, подчиненная правилам, которые не сможет нарушить ни один посторонний.

Планировка Розенкрафта практически ничем не отличалась от типичного английского городка. Центр, церковь, небольшой парк, кинотеатр, в котором показывали не совсем новые фильмы (все же

лучше, чем ничего), библиотека, несколько магазинов, в основном предлагавших продовольствие, парочка пабов, забегаловка, ресторан и гостиница с одним-двумя свободными номерами. Глубинный городок, каких много, переходящий на север в открытую сельскую местность, а затем — в леса. Ничем не приметный на первый взгляд. Путешественники любовались порядком и, в первую очередь, почти первозданным очарованием, городок казался маленькой деревенской жемчужиной между мегаполисом и глушью. Эдакой живописный оазис, по которому хочется с удовольствием прогуляться. Но путешественники бывали здесь только проездом, никто не останавливался больше одних суток в небольшой городской гостинице, доставшейся Майнетт Пинкфеллоу в наследство от родителей несколькими годами ранее. Останавливались на время, достаточное, чтобы осмотреться и последовать в другое место. Каждый в Розенкрафте знал, кто были семьи его основателей. И не удивительно: изучение истории основания города занимало большую часть школьной программы. Потому что, если извне ничего не вызывало подозрений, на самом деле город был своего рода небольшим полуофициальным государством в пределах вполне официальной страны.

Семьи основателей были разделены на четыре социальных класса. Истинных наследников осталось не так много, но их было достаточно, чтобы сохранять и блюсти традиции. Город делился на богатых основателей, основателей среднего достатка, простые семьи и некогда могущественные дома, которые теперь почти выродились. На первый взгляд ничего сложного. На самом же деле старая вражда, обиды и союзы между основателями города представляли собой запутанный и сложный клубок. Остальные жители были так или иначе связаны с древними родами.

Ядро зажиточных основателей состояло из Розенкрафтов, от которых и пошло название города, Браунхоллов и Редвудов. Адам, отец Эмили, был последним отпрыском Редвудов. Его родители, Тесса и Стэн, а также старший брат Ян с женой Дженни Блэкмиррор и маленьким Дирком, погибли во время «трагического инцидента» в загородном поместье на северной окраине Розенкрафта. Огромная семейная вилла сгорела дотла в одну слишком темную грозовую ночь.

Произошедшее было архивировано как «трагический инцидент», «ужасное несчастье» и тому подобное. Ходили слухи, что Дана Розенкрафт, сестра Морриса Розенкрафта, теперешнего мэра города, должна была стать женой Яна Редвуда. Последний, ко всеобщему несчастью (и к своему, в первую очередь, учитывая трагический конец), влюбился в Дженни Блэкмиррор, представительницу некогда богатой, но теперь обедневшей семьи. Ян сделал предложение девушке, и Дженни, отвечавшая взаимностью, приняла его.

Последнего оставшегося в живых члена рода Редвудов Адама считали привлекательным, предприимчивым и мудрым молодым человеком, до того, как он «пал так низко и губительно». Он был высокого роста, атлетического телосложения, с яркими голубыми глазами и густой шевелюрой. Молодой Редвуд не пал духом, найдя в себе силы и смелость отреагировать на потерю семьи довольно решительно. Можно сказать, что трагедию он пережил достойно.

Тем не менее через несколько лет, оказалось, что мудрость не входила в список его достоинств, Адам Редвуд совершил непростительную ошибку: он уехал, покинув родной город. Жест этот был решительным и жестоким, кроме намека на подозрения в отношении «трагичности» несчастья, постигшего его родных, Адам посмел влюбиться в чужачку, Кэтрин Кингстон, да еще и жениться на ней. Дерзость была воспринята в Розенкрафте как «низкое падение». Но самым непростительным стало то, что Адам решил вернуться в город с женой и маленькой дочкой Эмили, нагло выставляя напоказ свой счастливый выбор: женщину, столь обольстительную, сколь самоуверенную. Никто в городе не сомневался, что в его положении последнего потомка семьи основателей было бы уместнее выбрать чистокровную спутницу из «своих». Предпочтительно, одну из Розенкрафтов или Браунхоллов. Вместо этого он поступил даже хуже, чем старший брат Ян. Вне всякого сомнения, отпрыски Редвудов прослыли мятежниками без стыда и совести, с непоколебимой категоричностью позволявшие себе влюбляться, жениться и, что еще хуже, оплодотворять кого вздумается!

К основателям среднего достатка относились Уайтхеды, Пинкфеллоу и Йеллоустары, все в той или иной мере имели подчинительные связи с Розенкрафтами. То же можно было сказать и о

более скромных домах Грейхаммер, Гриншоу и Блэкмиррор. Хотя Блэкмиррор считались отдельным случаем. Во времена основания города это была одна из богатейших семей, кровные и заклятые враги Розенкрафтов, последние в результате беспощадного гонения довели Блэкмирроров до нищеты. Но те все-таки выжили, чего нельзя сказать о Даркси и Лайтстормах, семьях-основателях, обреченных Розенкрафтами на вымирание, не без помощи, как поговаривали, неких оккультных сил, присутствующих в первые дни основания города. Ян Редвуд имел несчастье влюбиться в Дженни, одну из рода Блэкмиррор.

В итоге, в результате череды неудачных и не зависящих от неё событий, маленькая Эмили Редвуд после смерти своих родителей осталась совершенно одна. Девочка родилась за пределами Розенкрафта, когда Адам и Кэтрин жили в Париже. Ее жизнь могла бы быть мирной и безмятежной, возможно, даже счастливой, если бы Адаму Редвуду не пришла в голову нездоровая мысль вернуться в родную обитель. Впервые за всю свою жизнь он был исполнен решимости отстаивать свои права на город и свои владения. Переезд был не столько его собственным решением, сколько результатом ряда неблагоприятных обстоятельств, которые повлекли за собой сначала разрушение семьи, а затем и гибель самого молодого Редвуда.

Адам всегда мечтал строить корабли. Но когда его навигационный бизнес потерпел крушение, он решил задействовать активы из Розенкрафта, чтобы вернуться в игру и выкупить свою долю в деле. Владения включали так называемое «сокровище Редвудов», и впервые в своей жизни Адам исполнился желания найти его. В отчаянной попытке найти сокровище Адам потерял свою любимую Кэтрин, а несколько лет спустя — собственную жизнь.

Теперь Эмили оказалась одна там, где её оставил Адам. В доме Труди Уайтленд, которая стала второй женой Редвуда после исчезновения Кэтрин. Жизнь с мачехой и её дочерью от первого брака Фионой была тем, чем была. Постоянные и бесконечные лишения, загруженность заботами и унижения. Школа Розенкрафта, которую Эмили посещала с удивительной прилежностью, несмотря на свой юный возраст, была зеркалом дома Труди. Но у Эмили Редвуд не было ничего другого. Книги утоляли всю её боль. Она тонула в вымышленном мире, иногда забывая о том, что жива.

You've Just Finished your Free Sample

Enjoyed the preview?

Buy: <http://www.ebooks2go.com>